

кустарное производство поощрялись государством; тогда как с другими видами такой деятельности: торговлей на черном рынке, спекуляцией, прямым воровством, — государство всячески боролось. Военные годы увидели расцвет «городского сельского хозяйства», в которое было вовлечено более половины городского населения, черного рынка, доля которого в конце войны была ли едва ли не выше доли государственной торговли, расцвет мелкой частной инициативы.

Возврат к нормам мирной жизни происходил крайне медленно и не был закончен к концу сталинской эпохи. В силу крайне низкого уровня жизни городские домохозяйства добровольно не желали отказываться поиска дополнительного дохода, в частности, доля горожан, имеющих личное подсобное хозяйство, сократилась незначительно. Однако, государству удалось поставить под свой контроль частную инициативу, в частности, резко сократить долю черного рынка. В вопросе занятости возврат к нормам 1930-х гг. был неполным: уровень занятости снизился, но остался выше предвоенного. Необходимость иметь двух работающих членов в семье, вместе с половым дисбалансом, вызванным войной, привела к тому, что в СССР в отличие от других стран не было резкого роста рождаемости после войны.

28 декабря 2005 г., 165-е заседание

***Ю.А. Петров,
С.А. Саломатина***

**Россия и Финляндия в XIX — начале XX в.:
парадоксы институционального развития
метрополии и региона**

Предметом данного доклада является сравнение Государственного банка Российской империи и Банка Финляндии с точки зрения темпов и глубины заимствования ими основных тенденций развития, присущих центральным банкам в Европе XIX — начале XX в.

Банковские системы России и Финляндии находились примерно на одном уровне развития в первой трети XIX в. Госбанк России и Банк Финляндии в XIX — начале XX в. развивались в одном направлении — от казенного, бюрократического банка долгосрочного кредитования к полноценному центральному банку, роль которого заключается в посредничестве между государством и экономикой. Эти функции центральный банк осуществляет через эмиссию банкнот, проведение денежно-кредитной и валютной политики, кредитование и регулирование частных банковских институтов, выполнение роли финансового агента правительства и организацию платежно-расчетных отношений в стране.

Банк Финляндии прошел важнейшие этапы на пути превращения в центральный банк в период с 1840-х гг. — 1890-е гг., т. е. раньше Госбанка России, который смог реализовать функции регулятора денежного обращения и банковской системы только в начале XX в.

Была ли у отставания Госбанка России в этом развитии системная причина? Почему Банк Финляндии развивался быстрее, следуя западноевропейским моделям? Эти вопросы являются частью более общей проблемы: как понимание элитой государственных приоритетов влияет на кратко- и среднесрочную политику страны и накапливает исторический опыт (*path dependence*) благоприятный или неблагоприятный с точки зрения заимствования опыта других стран. Для ответа на поставленные вопросы необходимо сначала отметить, как общие принципы взаимоотношений России и Финляндии сказались на финансовых и банковских аспектах развития метрополии и региона.

В этих взаимоотношениях боролись две тенденции. Имперская власть выступала носителем идей целостности России и унификации регионов, хотя интенсивность и жесткость выражения этих идей и их практическая реализация менялись в зависимости от исторической ситуации.

Государственная элита Финляндии была носителем идеи упрочения финляндской государственности, которая в борьбе с имперской тенденцией, идущей от России, принимала форму борьбы за сохранение исторических норм и институтов, часто уходящих корнями в шведское прошлое региона. Важным общим лейтмотивом политических идей, идущих из Финляндии, было стремление самостоятельно контролировать процессы внутри региона и не нести ответственность за империю в целом.

Противостояние этих двух тенденций российской (имперской) и финляндской (автономной) чаще всего находило выход в политических компромиссах, в результате которых Финляндия каждый раз получала отдельные от империи институты (политические, административные, судебные, экономические и др.), причем в каждом конкретном случае эти институты в разной мере несли в себе как финско-шведские, так и российские черты.

Немаловажную роль в достижении компромисса между империей и Финляндией играли представители высшей власти России в период с 1809 г. и до 1880-х гг., т. е. до начала периода явной конфронтации между сторонами. В частности, все реформы, определившие финляндскую финансовую автономию, были одобрены высшей властью России в 1840-х гг. — 1877 г., среди этих мер — реформа Банка Финляндии в 1840 г., введение финской марки в 1860 г., переход к серебряной марке в 1865 г., а затем к золотой в 1877 г. и др. Процесс согласования позиций, как правило, был длительным и тяжелым, однако не принимал форму открытого конфликта, как это было в случае с похожей по принципам организации автономией — Царством Польским.

Идея независимого Финляндского банка логически вытекает из идеи автономного финансового контроля в регионе, которая, в свою очередь, является следствием принципа создания отдельных институтов для Финляндии. Банку Финляндии было дано право денежной эмиссии, сначала в очень ограниченном объеме, для облегчения денежных оборотов в крае.

С этого момента начинается борьба двух тенденций в истории денежного обращения в Финляндии: первая, имперская, стремится к усилению позиций рубля, другая, автономная, настаивает на установлении барьера между финляндским и российским денежными рынками. Несопоставимый масштаб этих двух рынков был всегда очевиден. Например, в 1860 г. эмиссия Госбанка на 2 порядка превышала эмиссию Банка Финляндии (713 млн руб. против 22 млн марок¹, при капиталах двух банков 16 млн руб. и 7 млн марок). В такой ситуации российское требование размена российских рублей Банком Финляндии наравне с собственными денежными знаками, которое Россия с разными способами пыталась провести и сохранить в Финляндии, объективно подрывала стабильность финляндского центрального банка. С того момента, как Россия отказалась от твердой валюты в 1854 г. в результате Крымской войны, Банк Финляндии постоянно испытывал затруднения, связанные с разменом рубля. Введение финской марки в 1860 г. стало гранью, за которой стала очевидна победа сторонников финансовой автономии. Нестабильность рубля в период с 1854 по 1897 гг. помогла закрепить эту победу введением в Финляндии сначала серебряной марки, а затем и золотой.

Укажем еще на ряд чисто экономических и технических причин в пользу введения отдельной денежной единицы для Финляндии.

Как уже было сказано, в России всю вторую половину XIX в. сохранялось бумажно-денежное обращение, другими словами, в реалиях тех лет, рубль был объективно слабой валютой. Такая ситуация делала невыгодной для Финляндии заимствования в России. За границей условия были более выгодными, и сумма займа была лучше защищена от колебания валютного курса. Заимствования отдельно от России предполагают четкое разграничение финансовой ответственности империи и региона.

Однако, необходимо также отметить, что денежное обращение в Европе в XIX в. все еще несет слабые, но заметные следы средневековья, когда в стране в разных районах могли циркулировать не только иностранные деньги и их аналоги, но и разные виды отечественных денежных знаков, среди которых могли быть и деньги, выпускаемые только для данного региона. Унификация денежных систем в 1840-х гг. только началась в ведущих западноевропейских странах. В Российской империи на многих приграничных территориях циркулировали как деньги сопредельных государств, так и российские денежные знаки, выпускаемые для данной местности.

¹ 1 руб. = 4 марки в 1860 г.

Цепь событий, ведущая от введения финской марки до золотого стандарта в Финляндии, заняла 17 лет, 1860–1877 гг. Катализатором этого процесса стали заимствования финляндского правительства в Европе, начиная с 1860-х гг. Целью введения золотого стандарта было стремление не потерять международную кредитоспособность, в условиях, когда большинство стран Балтийского региона уже перешли на золотую валюту. Борьба финляндской стороны за постепенное согласование с Россией позиций в этом вопросе оказалась успешной, т. к. в этот период у власти в России были сторонники золотого стандарта, рассчитывавшие на скорое введение золотого рубля на всей территории страны, после чего, по их мнению, валютные барьеры между Россией и Финляндией окажутся формальными.

Приоритеты политических элит, а также особенности денежного обращения и политики государственных заимствований предопределили важнейшие особенности ранних центральных банков России и Финляндии. Однако был ряд черт, характерный для ранних европейских центральных банков в целом. Во-первых, в этот период в национальных банковских системах еще нет четкого разделения на центральные и коммерческие банки, т. е. эмиссионные и коммерческие операции одновременно проводят многие банки. Во-вторых, XIX век — период становления единых национальных валют, когда на смену денежному разнообразию постепенно приходит одна денежная единица, выпускаемая центральным банком. В-третьих, конечная цель процесса унификации и укрепления национальной валюты в XIX в. — золотой стандарт. И в четвертых, по сравнению с XX в. регулирование банковских операций в XIX в. еще пока минимально.

Развитие Банка Финляндии органично совпало с мировыми тенденциями эволюции центральных банков, однако выбор этого пути развития произошёл опосредовано через решение валютных проблем автономии и борьбу за «шведские традиции» в организации банка. За период от своего основания до введения в регионе золотого стандарта (1811–1877 гг.) Банк Финляндии прошёл длительный путь становления в качестве эмиссионного учреждения и регулятора национальной валюты, проведя не менее 4 крупных удачных денежных реформ.

Под знаменем «борьбы за традицию» Банку Финляндии в 1840 г. были разрешены коммерческие операции. Так, под видом идеи восстановления операций краткосрочного кредита, проводившихся на территории Финляндии до 1809 г. учетными конторами шведского Риксбанка, Банк Финляндии стал банком современного типа на 20 лет раньше Госбанка. Используя те же идеологические мотивы, Финляндия в 1867 г. добилась передачи банка под контроль парламента (Сейма) по образцу Риксбанка. С этого момента в Европе появился второй центральный банк, подотчетный парламенту, что стало уникальной чертой этих двух центральных банков в XIX в.

Занимаясь поддержкой национальной валюты и обслуживанием внешних займов и кассы финляндского правительства, Банк Финляндии постепенно сокращал кредитование частного сектора, сосредоточившись на кредитовании банков. Таким образом, к началу XX в. Банк Финляндии считался полноценным центральным банком по характеру своей деятельности.

Основную линию развития российского Госбанка определили другие идеи, в частности, убежденность российской политической элиты, что государство является главным инициатором экономического развития, а частный бизнес должен быть под жестким контролем правительства.

Такое понимание приоритетов сформировалось под влиянием многих системных факторов. В банковской сфере на закрепление такого подхода повлиял, во-первых, длительный период монополии казенных банков в XVIII — первой половине XIX в. Во-вторых, Великие реформы стали первым проектом Госбанка. Это был масштабный, но абсолютно чрезвычайный и уникальный с точки зрения обычных функций банков комплекс задач, предопределивший широкое понимание роли Госбанка в экономике страны. Из других факторов стоит отметить, уже обсуждавшееся отсутствие в России твердой валюты, а также неспособность российского правительства адекватно оценить неудачи становления банковской и акционерной системы России в 1850–1870-х гг.

В результате в период 1860–1890-е гг. Госбанк развивался как крупный коммерческий банк, полностью подконтрольный министерству финансов, лишенный эмиссионного права. Из всего международного опыта центральных банков заимствовались лишь второстепенные моменты, не противоречащие главному принципу: государственный банк должен нести основное бремя прямого кредитования экономики страны.

Однако в долгосрочной перспективе Госбанку оказалось трудно конкурировать с системой коммерческих банков. По цифрам это было понятно уже в XIX в.: активы коммерческих операций Госбанка всегда уступали сумме активов системы краткосрочного кредита, несмотря на то, что на протяжении длительного периода в XIX в. Госбанк был крупнейшим коммерческим банком. В XX в. говорить о лидирующей роли Госбанка в краткосрочном кредитовании стало окончательно невозможно. В этот период российское правительство пришло к пониманию, что центральный банк не должен брать на себя функции коммерческих банков.

Таким образом, главное препятствие на пути эволюции Госбанка в полноценный центральный банк — политика государства — было в значительной мере снято. Другим важным фактором развития центрального банка в России стало введение золотого стандарта, в результате чего Госбанк получает эмиссионные функции и начинает проводить политику поддержания стабильности национальной валюты. Одновременно банк сокращает кредитование предприятий, увеличивает кредитование банков, выступает

для последних в роли «кредитора последней инстанции», хотя существенный для центрального банка объем коммерческих операций сохраняется как наследие XIX в.

Таким образом, при анализе истории заимствования общемировых тенденций, связанных с построением иерархической банковской системы во главе с центральным банком, в России и Финляндии можно сделать вывод о том, что в XX в. данные процессы в империи и регионе шли в одном русле. Отставание в этом развитии российского Госбанка связано с тем, что функция прямого финансового агента правительства, приданная ему по необходимости в процессе проведения реформ 1860–1870-х гг., породила в российской элите иллюзии о возможности модернизации экономики страны при помощи государственного коммерческого банка. Отказ от этих идей произошел уже в XX в., после чего Госбанк смог более широко заимствовать мировой опыт организации банковской системы.

29 марта 2006 г., 166-е заседание

На заседании был представлен доклад доктора экономических наук, академика РАСХН А.В. Петрикова, директора Всероссийского института аграрных проблем и информатики им. А.А. Никонова, на тему «Аграрная реформа: исторический опыт и современность».

26 апреля 2006 г., 167-е заседание

А.А. Иголкин

Репрессии в нефтяной промышленности СССР в 1930-е гг.

При разработке первого и второго пятилетних планов была предпринята попытка рывком вывести нефтедобычу (и, соответственно, нефтепереработку) на невероятную, фантастическую высоту. Это был поистине «шторм неба». Плановые задания пытались выполнить любой ценой: ужесточением режима, укреплением бюрократического аппарата, продажей за границу национальных ценностей, нерациональной эксплуатацией месторождений (особенно в районе Грозного).

Последствия рывка оказались самыми ужасными. После того как было объявлено, что отрасль первой, за два с половиной года, выполнила план первой пятилетки, нефтедобыча сначала упала, а потом несколько лет росла черепашьими темпами.

Одной из причин большого размаха репрессий в нефтяной отрасли был срыв планов нефтедобычи и нефтепереработки. НКВД составлялись схемы шпионско-вредительских организаций, которые, в отличие от составляе-